

шенство высокой аскетики. Они устремлены не к музыкальному потоку вещей*, а к «Неподвижному Солнцу Любви»**. В простоте и повседневности (увы!) своей темы он открывает бездонные колодцы сквозь все пласты бытия. Но замечательно не столько это, сколько чистота проникающего их индивидуального духа. Это отчищенное до последней чистоты мужество человека, стоящего лицом к лицу со смертью, Небытием и Вечностью.

<...>

1978

Вячеслав Иванович Иванов

<Фрагмент>

<...>

С 1905 года он становится главой и учителем петербургских поэтов и сохраняет это положение до разложения символизма (1912). Поэзия его насыщена тысячелетиями культуры, полна разнообразнейших реминисценций и архаичным, глубоко обдуманым языком отделена от языка современности. Мастерство его глубоко сознательное, до мелочей взвешенное, далекое от непосредственности и вместе с тем упорно избегающее шаблона. Молодых поэтов, на которых его влияние было велико и благотворно, он учил упорно и добросовестно работать, ничего не оставляя случайности, не терпеть в стихе «пустого места», стремиться к тому, чтобы каждая точка в нем была действенна. Глубокая, благородная и безусловно упадочная культурность («византийство») Иванова с большой привлекательностью сказалось в написанной им части «Переписки из двух углов» (с Гершензоном, 1920), одним из лучших плодов новой русской культуры.

1924

* в главке Блок....

** Вл. Соловьев Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.